

Алексей Николаевич Фанталов,
Маргарита Александровна Малязина
г. Санкт-Петербург

Механизм управления Францией в период наивысшего подъема Великой французской революции (1792-1794 гг.)

В статье раскрыты алгоритмы управления Францией в период наивысшего подъема Великой французской революции (1792 – 1794 гг.), через призму взаимодействия Конвента (парламента), Парижской Коммуны (муниципального учреждения) и политических клубов (прежде всего, Якобинского), а также психологические особенности и роль революционных лидеров – Ж. Дантона и М. Робеспьера механизм управления Парижем и Францией в наиболее радикальный период Великой французской революции. Решения государственного значения принимались на голосовании в Конвенте, однако его члены подвергались непосредственному давлению активистов Парижской Коммуны. Несмотря на свою роль, Коммуна не была «диктатором» революции, так как ее руководящие члены входили в состав Якобинского клуба, вместе со многими лидерами Конвента. Таким образом, проекты постановлений изначально выработывались внутри в клубе и лишь затем, при помощи Коммуны проводились через Конвент, а далее проецировались ниже – в департаменты Франции.

В статье также отмечено участие английских спецслужб во французских событиях революционного периода.

Ключевые слова: Конвент, Великая французская революция, коммуна, якобинский клуб.

Alexey Nikolaevich Fantalov,
Margarita Alexandrovna Malyazina
St. Petersburg

The mechanism of France governance during the period of the highest rise of the French Revolution (1792-1794)

The article reveals the mechanisms of governance of France during the period of the highest rise of the French Revolution (1792 – 1794), through the prism of the interaction of the Convention (parliament), the Paris Commune (municipal institution) and political clubs (primarily Jacobin), as well as the psychological characteristics and role of revolutionary leaders – J. Danton and M. Robespierre. the mechanism of governance of Paris and France in the most radical period of the French Revolution. Decisions of national importance were made at the vote in the Convention, but its members were subjected to direct pressure from the militants of the Paris Commune. Despite its role, the Commune was not the "dictator" of the revolution, as its leading members were part of the Jacobin Club, along with many of the leaders of the Convention. Thus, draft resolutions were initially developed internally in the club and only then, with the help of the Commune, were carried out through the Convention, and then projected below - into the departments of France.

The article also notes the participation of British special services in the French events of the revolutionary period.

Keywords: Convention, French Revolution, commune, Jacobin club.

В данной статье нам хотелось бы рассмотреть некоторую специфику управления Францией в период Великой французской революции. Также полезным было бы дополнительно осветить особенности личности некоторых ключевых действующих лиц, внося уточняющие коррективы в их психологические характеристики, которые важны для понимания происходящих событий.

Историей Великой Французской революции занимались многие ученые (естественно, в первую очередь – в самой Франции). Фактически, первым был Антуан Барнав, сам являвшийся одним из видных деятелей означенного события [13]. Главной идеей Барнава являлась мысль о приходе буржуазии к управлению государством (на смену аграрно-феодальной системе) и сменой парадигмы управления. Барнав сам пал жертвой революции и это может свидетельствовать о том, что его концепция была не вполне адекватна происходившему в то время в Париже и Франции.

Революционные эксцессы подверг критике британский консервативный деятель Эдмунд Берк [11]. Особенно известен по части критики Великой

французской революции католический мыслитель Жозеф де Местр [11].

Итальянец Филиппо Буонаротти интересен тем, что его концепция революции, фактически, легла в основу более поздних («якобино-марксистских») трактовок данных событий [7]. Он превозносит якобинцев и диктатуру Робеспьера, осуждает не только таких их оппонентов, как монархистов и конституционалистов, но, даже Дантона и дантонистов (предваряя тем самым оценочные суждения, превалировавшие в советской исторической науке) и считавшим период правления Директории контрреволюционным.

Дальнейшие исследования Великой французской революции можно разделить на два «направления». Первое шло по пути Барнава и рассматривало события в контексте перехода власти от аристократии к буржуазии. Труды представителей второго направления носили, в основном, оценочный характер относительно политических партий и их вождей.

Новизна нашего исследования состоит в том, что нас интересует исключительно конкретный

механизм управления Францией в эпоху якобинской диктатуры (что может быть значимо для понимания политических технологий в кризисный период независимо от времени и места его прохождения). Рассуждения в категориях классового или оценочного подхода, по нашему мнению, малополезны для понимания данной проблематики.

В исторических сочинениях нередко отмечают «выдающийся успех» ораторских выступлений лидеров Великой французской революции – например, Жоржа Дантона или Максимилиана Робеспьера. Зададимся вопросом – а могли бы их выступления не иметь успеха у депутатов Конвента (высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики в период Великой французской революции, действовавший с 21 сентября 1792 г. по 26 октября 1795 г.), когда у входа в здание Конвента постоянно дежурили вооруженные люди, интересовавшиеся процессом и результатами голосования по тем или иным вопросам? Эти вооруженные люди являлись активистами парижского муниципального образования – Коммуны.

Парижская Коммуна (или, точнее, Первая Парижская Коммуна – не путать с явлением 1871 г.) – муниципальное правление города Парижа, существовавшее с 1789 года до 9 термидора (27 июля) 1794 года [5].

Депутаты голосовали под двойной угрозой – осуждения на самом Конвенте за «неправильное» голосование и прямой физической расправы со стороны вооруженных группировок Коммуны.

Принятые таким образом постановления Конвента спускались затем в департаменты для исполнения местными органами власти. Таким способом (возможным в условиях французской гиперцентрализации) и осуществлялось управление Францией в эпоху якобинской диктатуры.

Таким образом, без учета фактора Коммуны (хотя это нередко делается в исторических трудах) совершенно невозможно рассматривать ход событий Великой французской революции.

Парижская Коммуна (фр. Commune de Paris) состояла из 48 секций, Совет Коммуны состоял из 24 членов, реальными руководителями были прокурор Коммуны Пьер Гаспар Шометт и его заместитель Жак-Рене Эбер. Они имели сильное влияние на боевые отряды санкюлотов (комплектовавшихся из деклассированных парижских элементов) и являлись одними из наиболее радикальных сторонников «революционного террора».

Но была ли Коммуна совершенно независимым учреждением? Нельзя отрицать связь с Коммуной и санкюлотами других лидеров революции, в особенности Дантона и Робеспьера.

Жорж Жак Дантон (1759 -1794 гг.) – один из крупнейших деятелей Великой французской

революции, член якобинского клуба, сопредседатель клуба кордельеров, министр юстиции, первый председатель Комитета общественного спасения.

Дантона часто героизируют, изображая как масштабную, трагическую фигуру в «высоком античном стиле». Анализ артефактов и исторических событий не подтверждает этого мнения о Дантоне. Практически все прижизненные портреты показывают его как человека свирепого и подверженного вульгарным страстям [2].

Он являлся не столько парламентским оратором, сколько предводителем уличных банд.

10 августа 1792 года Дантон, опираясь на радикальные вооруженные отряды (в том числе пришедшие в Париж из Марселя) фактически произвел в Париже и Франции государственный переворот, поставив под свой контроль Национальную гвардию.

Он также потребовал арестов лиц, объявленных Коммуной «подозрительными», что привело к так называемым «сентябрьским убийствам» (2 – 5 сентября 1792 г.).

Общезвестно, что Дантон сыграл важную роль в «сентябрьских убийствах», под которыми подразумеваются массовые убийства заключённых в Париже, Лионе, Версале и других городах, произведённые революционной толпой в начале сентября 1792 года.

Сентябрьские убийства часто пытаются представить как самосуд или «революционное творчество масс». Однако по характеру и масштабам с какой-либо «народной самодеятельностью» они не имели ничего общего. Формальным актом для начала массовых убийств стали постановления секций Коммуны [1], сделанные в условиях наступления армии герцога Брауншвейгского, командовавшего объединёнными силами Австрии, Пруссии и отрядов эмигрантов (в реальности эти объединённые силы были невелики).

К расправам над заключёнными призывали многие деятели Французской революции, например, Жан Поль Марат, Фабр д'Эглантин и другие. Однако, именно Дантон, будучи министром юстиции, (и на тот момент, фактически, самым влиятельным человеком в Париже), обеспечил покровительственную политику властей по отношению к убийствам заключённых (заключённых по его же приказам!) [3].

В ответ на прошение инспектора тюрем Гранпре о защите заключённых от бессудных расправ, Дантон заявил: «Мне наплевать на заключённых! Пусть с ними будет всё, что угодно!» [1].

Всего в столице Франции погибло в результате сентябрьской резни от 1100 до 1400 заключённых [4].

По примеру Парижа расправы над заключёнными произошли и в других городах Франции, чему способствовал циркуляр

наблюдательного комитета Коммуны от 3 сентября (по некоторым данным он был подписан Дантоном) [1].

Всего в сентябре 1792 года в департаментах было зафиксировано 26 случаев народных расправ [4].

Далее Дантон содействовал замене парламентского правления Жиронды временной революционной диктатурой Комитета общественного спасения и стал вести борьбу с противниками революции внутри и вне Франции посредством революционных трибуналов и колоссальных наборов. Он старался проводить активную внешнюю политику и даже пытался вмешаться во внутренние дела Англии – поддерживая оппозицию премьер-министру Питту-младшему.

Допустимо предположить, что этим последним своим действием, Дантон подписал себе приговор.

Влияние английских спецслужб на события Великой французской революции, прежде всего, через систему масонских лож мы рассмотрели в статье **Военно-политическое противостояние Англии и Франции в XVIII веке: войны и секретные операции**. И клуб «Общество 1789 года» (доминировавший в политике революции 10 августа 1792 года) и сменившие его клубы якобинцев и кордельеров выросли из этих лож [9].

Так например, Жан Поль Марат, наиболее известный журналист периода Революции, издатель радикальной газеты «Друг народа» ранее более десяти лет прожил в Англии и даже собирался принять английское подданство [12].

Здесь следует сказать, что, активно вмешиваясь в дела европейских и иных государств [10], английская политическая элита категорически не желала допустить иностранного вмешательства в собственную внутривнутриполитическую борьбу. Поэтому, очевидно, с ликвидацией Дантона были согласны и партия Питта, и оппозиция.

Тьер в своей «Истории Французской революции» пишет, что многие французы в эпоху Великой французской революции охотно принимали деньги от англичан, давая взамен обещание сотрудничать. Как считает Тьер, они полагали, что подобные обещания «всегда можно нарушить». Однако в условиях Террора английские резиденты могли выдать этих людей властям, что гарантировало им смертную казнь [8].

Кроме того, у англичан обязательно должны были быть и «полноценные» агенты во французской политической среде, что видно из дальнейших событий.

31 марта 1794 года, Дантон и его сторонники (Камиль Демулен, Эро де Сешель, Фабр д'Эглантин и др.) были арестованы по постановлению соединённых комитетов общественного спасения и общественной безопасности. Постановлением конвента по предложению Сен-Жюста, сподвижника

Робеспьера, арестованные были поставлены вне закона, осуждены и гильотинированы.

Часто утверждается, что влияние Робеспьера также было основано на его ораторских способностях. Однако реальность не вполне подтверждает этот тезис. Долгое время его речи не вызывали энтузиазма у слушателей. Талант оратора Робеспьера «открывался» постепенно, по мере того, как росло его влияние на санкюлотских боевиков.

Для характеристики личности Максимилиана Робеспьера интересно привести то обстоятельство, что его кабинет был заставлен его собственными портретами и малыми скульптурными изображениями.

Можно утверждать, что власть Робеспьера в период его могущества (1793 – 1794 гг.) основывалась на контроле над парамилитарными группировками, входившими в Коммуну и терроризировавшими не только представителей «контрреволюционных» слоев населения Парижа, но и депутатов Законодательного собрания и сменившего его Конвента.

Поэтому, несмотря на то, что в 1793 году Робеспьер добился казни некоторых руководителей Коммуны («бешеные» – Эберт и др.), эту акцию можно трактовать не как борьбу с Коммуной, а как меру, направленную на усиление его власти над ней.

В связи с вышеизложенным, показательны события, приведшие к низложению самого Робеспьера. В своем последнем выступлении в Конвенте 26 июля 1794 года Робеспьер говорил об обширном заговоре и о необходимости очередных масштабных чисток среди его депутатов, которых он обвинил в государственной измене. Назвать имена обвиняемых Робеспьер отказался, и большинство депутатов Конвента почувствовали себя в опасности.

Члены Конвента, которым непосредственно угрожала опасность, Тальен, Фуше, Карье и др., которые были отозваны в Париж в связи с эксцессами массовых казней (Тальен в Бордо, Фуше в Лионе, Каррье в Нанте) вступили в соглашение с членами Комитета Общественного Спасения Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенном и Карно.

Здесь следует уточнить, как могли люди, длительное время соглашавшиеся со всеми предложениями Робеспьера и как бы «загипнотизированные» страхом, который он внушал им, предпринять попытку переворота? На первый взгляд, это невозможно. Но только на первый взгляд.

Допустимо предположить, что здесь сыграли свою роль внутримасонские связи между депутатами и контакты некоторых из них с английскими представителями (возможно, обвинения Робеспьером своих оппонентов «в государственной измене» были не беспочвенны).

Эти связи оказались сильнее внутривнутрифракционных связей в Конвенте.

Особенный интерес здесь представляют Жан-Мари Колло д'Эрбуа и Жак-Николя Бийо-Варённ, всегда поддерживавшие все радикальные меры руководителей революции и внезапно ставшие «контрреволюционерами». Некоторые обстоятельства позволяют предположить «английский след» в их революционной биографии.

8 термидора, в своей последней речи в Конвенте, Робеспьер обвинил своих оппонентов в интриганстве и утверждал необходимость обновления состава Комитета Общественного Спасения и Комитета Общественной Безопасности, говорил о пробравшихся туда предателях [6].

У Робеспьера потребовали, чтобы он назвал имена обвиняемых, но тот отказался. Влиятельные члены Конвента почувствовали угрозу и объединились для его свержения.

На следующий день, 9 термидора (27 июля) на заседании Конвента (под председательством Колло д'Эрбуа) предложение арестовать Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона было единогласно принято. Арестованы были также Леба и Робеспьер-младший.

В ответ на эти действия Конвента, Коммуна Парижа объявляется в состоянии восстания. Мэр Парижа Флерио-Леско приказал секциям Парижа присоединиться к восстанию против Конвента и освободить заключенных. Вооружённые подразделения секций начали собираться перед ратушей. Однако из 48 секций Парижа лишь 13 привели сюда национальную гвардию. Вероятно, им не хватало инициативных организаторов, в чем сказались последствия казни эбертистов.

Тем не менее, вице-председатель Революционного Трибунала Коффингаль во главе верных Коммуне войск освободил арестованных депутатов, которые собрались в Ратуше.

Однако Конвент был поддержан центральными и западными секциями. Баррас, получивший известность при осаде Тулона, был назначен главнокомандующим войск Конвента. Отряды Коммуны разошлись и войска Конвента утром, 10 термидора заняли площадь перед Ратушей.

Вечером 10 термидора (28 июля 1794) Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон и девятнадцать их сторонников были казнены без суда и следствия. На следующий день были казнены семьдесят один функционер восставшей Коммуны, в том числе мэр Парижа Флерио-Леско.

Итак, мы видим механизм управления Парижем и Францией в наиболее радикальный период Великой французской революции. Решения принимались на голосовании в Конвенте, но депутаты находились под прямым давлением боевиков Парижской Коммуны. При этом Коммуна не была «диктатором» революции, так как ее руководящие члены входили в состав якобинского клуба, наряду со многими лидерами Конвента. Следовательно, изначально решения принимались внутри в клубах и лишь потом, при помощи Коммуны проводились через Конвент, а далее проецировались ниже – в департаменты.

Данная схема существовала на протяжении 1792 – 1794 годов и была сломана благодаря привлечению нового силового фактора – французских войск, что было прологом к установлению в стране военной диктатуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Матьез, А. Французская революция. В 3 т. / А. Матьез ; пер. с франц. К. Цидербаума ; под ред., предисл. И.Н. Бороздина. – Москва, 1925–1930.
2. Зазулина, Н.Н. Европейский пасьянс. Хроника последнего десятилетия царствования Екатерины II / Н.Н. Зазулина. – Москва : Бослен, 2018. – 640 с. – Текст : непосредственный.
3. Молчанов, Н.Н. Монтаньяры / Н.Н. Молчанов. – Москва : Молодая гвардия, 1989. – 558 с. – Текст : непосредственный.
4. Ревуненков, В.Г. История Французской революции / В.Г. Ревуненков. – Санкт-Петербург : Изд-во СЗАГС ; Образование-Культура, 2003. – 776 с. – Текст : непосредственный.
5. Ревуненков, В.Г. Парижская коммуна, 1792—1794 / В.Г. Ревуненков. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 255 с. – Текст : непосредственный.
6. Робеспьер, М. Избранные произведения. Т. 3 / М. Робеспьер ; предисл. А.З. Манфред. – Москва : Наука, 1965. – 320 с. – Текст : непосредственный.
7. Тьер, Луи-Адольф. История Французской революции. Т. 2 / Луи-Адольф Тьер. – Москва : Захаров, 2015. – 832 с. – Текст : непосредственный.
8. Фанталов, А.Н. Военно-политическое противостояние Англии и Франции в XVIII в.: войны и секретные операции / А.Н. Фанталов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 4. – С. 68-79.
9. Фанталов, А.Н. Царствование императора Александра I: от рассвета до заката. Анализ исторических обстоятельств / А.Н. Фанталов, М.А. Малязина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2021. – № 3. – С. 70-80.
10. Rodgers, B. Georgian Chronicle: Mrs Barbauld & her Family / B. Rodgers. – London : Methuen & Co. Ltd., 1958. – 298 p.

◆

REFERENCES

1. Mat'ez A. Francuzskaja revoljucija. V 3 t. [French revolution. In 3 volumes]. K. Ciderbauma (eds.). Moscow, 1925–1930. (In Russ.).
2. Zazulina N.N. Evropejskij pas'jans. Hronika poslednego desjatiletija carstvovanija Ekateriny II [European solitaire. Chronicle of the last decade of the reign of Catherine II]. Moscow: Boslen, 2018. 640 p.
3. Molchanov N.N. Montan'jary [Montagnars]. Moscow: Molodaja gvardija, 1989. 558 p.
4. Revunenkov V.G. Istorija Francuzskoj revoljucii [History of the French Revolution]. Sankt-Peterburg: Izd-vo SZAGS; Obrazovanie-Kul'tura, 2003. 776 p.
5. Revunenkov V.G. Parizhskaja kommuna, 1792—1794 [Paris Commune, 1792-1794]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1976. 255 p.
6. Robesp'er M. Izbrannye proizvedenija. T. 3 [Selected works. Vol. 3]. A.Z. Manfred (ed.). Moscow: Nauka, 1965. 320 p. (In Russ.).
7. T'er, Lui-Adol'f. Istorija Francuzskoj revoljucii. T. 2 [History of the French Revolution. T. 2]. Moscow: Zaharov, 2015. 832 p. (In Russ.).
8. Fantalov A.N. Voenno-politicheskoe protivostojanie Anglii i Francii v XVIII v.: vojny i sekretnye operacii [The military-political confrontation between England and France in the 18th century: wars and secret operations]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 2020, no. 4, pp. 68-79.
9. Fantalov A.N., Maljazina M.A. Carstvovanie imperatora Aleksandra I: ot rassveta do zakata. Analiz istoricheskikh obstojaatel'stv [The reign of Emperor Alexander I: from dawn to dusk. Analysis of historical circumstances]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 2021, no. 3, pp. 70-80.
10. Rodgers B. Georgian Chronicle: Mrs Barbauld & her Family. London: Methuen & Co. Ltd., 1958. 298 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

А.Н. Фанталов, кандидат культурологии, доцент, старший преподаватель, ГБУ ДПО «Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования», г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: fantalov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8971-7141.

М.А. Малязина, заведующий кабинетом института детства, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: malyzinamaggi@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

A.N. Fantalov, Ph. D. in Cultural Studies, Associate Professor, Senior Lecturer, St. Petersburg Academy Graduate Pedagogical Education, St. Petersburg, Russia, e-mail: fantalov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8971-7141.

M.A. Malyazina, Head of Cabinet of the Institute of Childhood, Russian State Pedagogical University of. A.I. Herzen, St. Petersburg, Russia, e-mail: malyzinamaggi@gmail.com.